

Нигилисты: радикальное сознание и институт литературы в Российской империи

Кирилл Зубков
От составителя

Kirill Zubkov
From the Compiler

Кирилл Зубков (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), доцент; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, научный сотрудник; кандидат филологических наук)
k_zubkov@inbox.ru.

Kirill Zubkov (PhD; Associate Professor, HSE University (Moscow); Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS)
k_zubkov@inbox.ru.

DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_11

DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_11

Цель предлагаемого читателям кластера статей — попытаться начать серьезный разговор об одном из наиболее ярких и значительных феноменов в истории русской литературы, обычно ускользающем из поля научного интереса. Речь идет о так называемом нигилизме — культурном феномене, который принято связывать одновременно с радикально-демократическими политическими взглядами, «разночинной» идентичностью и резкой критикой, направленной на разрушение сложившейся системы ценностей и стереотипов. Нельзя, разумеется, сказать, что нигилизм в литературе никого не интересовал — в конце концов, в школьную программу включен роман Тургенева «Отцы и дети» (1862), благодаря которому само это слово стало популярным¹. В то же время в русской литературе найдется немного явлений, значение которых было бы столь принципиально, а научное описание столь часто сводилось бы к устаревшим клише. Следуя за современными историками, авторы вошедших

1 Мы опустим второстепенный, но сложный вопрос о том, кто первым придумал употреблять слово «нигилист» в характерном для Тургенева значении.

в кластер статей предлагают отталкиваться от понимания радикального движения в русской литературе как значимой составляющей модернизационных процессов в Российской империи. В то же время мы переносим фокус внимания с собственно социальных процессов на то, как они связаны с авторскими стратегиями и читательскими практиками конкретных участников литературного и исторического процесса. Участники кластера выработали такой подход к теме на конференции «Нигилизм как литературный проект» (ИРЛИ РАН, 20—21 октября 2021 года), где обсуждались некоторые из рассмотренных ниже проблем.

Прежде всего обращает на себя внимание поразительная диспропорция между исследованиями по социальной и политической истории, с одной стороны, и по литературе — с другой. Новые книги, посвященные общественным и политическим взглядам разночинцев, революционному народничеству и прочим проблемам, которые обычно связываются с нигилизмом, выходят регулярно. В частности, исследователи много пишут о культурной роли радикальных «отрицателей». Так, Мишель Конфино определяет их позицию как своеобразную «контркультуру», направленную против доминирующих принципов, сформированных дворянским обществом [Confino 1990]. Лори Манчестер описала идентичность выходцев из духовного сословия, которая, с точки зрения исследовательницы, оказалась одним из важнейших истоков предпринятого ими пересмотра базовых принципов сложившейся культуры. По ее мнению, именно влияние духовенства привело к появлению интеллигенции как сообщества современного (modern) типа, во многом определившего политическое и социальное развитие Российской империи второй половины XIX века [Манчестер 2015; Manchester 2008]. Клодия Верхувен, ссылаясь, помимо исторических источников, на прозу Достоевского, продемонстрировала, что культурные факторы, определившие российский радикализм второй половины XIX века, в целом очень характерны для современного общества и тесно связаны с возникновением политического терроризма [Verhoeven 2009]. Список примеров можно легко умножить, но общий принцип остается неизменным: нигилизм оказывается неотъемлемой и значимой частью фундаментальных процессов трансформации Российского государства и общества в эпоху Великих реформ.

На этом фоне сосредоточенные на литературе исследования производят в целом печальное впечатление. Во-первых, «нигилистические» тексты до сих пор прочитывается сквозь призму сложившегося в Советском Союзе подхода. Ленин, как известно, трактовал Николая Чернышевского и его единомышленников как одну из высших точек домарксистской политической мысли и революционной практики. Это послужило автору «Что делать?» плохую службу. Ленин определил Чернышевского как «революционного демократа» [Ленин 1973: 175] — и это определение легло в основу всех советских трактовок нигилизма. Революционность Чернышевского, в «Письмах без адреса» (1862) прямо призывавшего Александра II любой ценой избежать крестьянского восстания, представляется дискуссионным вопросом, однако важнее даже не это. Напротив, подход Ленина, например, к творчеству Льва Толстого предполагал многочисленные противоречия между авторской интенцией и получившимся в результате текстом. По иронии судьбы этот подход, восходящий, видимо, к принципам самих нигилистов (ср., например, трактовку Чернышевским тургеневской «Аси»), позволил исследователям, формально не противореча Ленину, проявлять намного большую гибкость в анализе и интерпретации тек-

тов. Напротив, все трактовки произведений и самого Чернышевского, и многих его единомышленников с неизбежностью должны были отсчитываться от «революционного демократизма», в результате чего все остальные проблемы их творчества, кроме близости/неблизости к этому нормативному идеалу, автоматически оказывались на периферии.

Если ортодоксальные советские исследования нигилизма в литературе отталкивались от категории «революционной демократии», то многие постсоветские работы опираются на другую, значительно более аморфную, но все же отчетливо просматривающуюся систему ценностей. Их авторы, видимо, склонны воспринимать некоторые категории романтической и постромантической эстетики, характерные для оппонентов нигилизма типа Ивана Тургенева или Ивана Гончарова, как характерные для «настоящей» литературы вообще. К этим категориям относятся авторская объективность, эстетическая автономия произведения искусства, отказ от прямого обращения к политическим проблемам и т.д. (см.: [Зубков 2014]). Соответственно нигилистам с их установкой на «разрушение эстетики» (название статьи Дмитрия Писарева о Чернышевском) в таких работах отводится по преимуществу маргинальная роль персонажей, которые заслуживают внимания прежде всего как объекты полемики со стороны «истинных» писателей, таких как Лесков или Достоевский (особенно показателен рост числа работ о так называемом антинигилистическом романе, заметный на фоне лишь ограниченного числа работ о романе «нигилистическом»). Маргинализации произведений нигилистов соответствует специфическая репутация их авторов как «плохих», «бездарных» писателей и нарушителей общественных норм. Разумеется, редко заходит речь о том, что эти писатели были «бездарны» лишь с точки зрения своих оппонентов, на которую не критически становятся многие исследователи. В конечном счете, в области литературы нигилизм описывается как своеобразное гетто для писателей, не похожих на «классиков».

Напротив, мы хотели бы показать, что именно те качества, которые обычно рассматриваются как маркер периферийности, делали сочинения нигилистов не забавным курьезом, а принципиально важной частью литературной и социальной истории. Нигилисты в своей литературной деятельности были политически ангажированы и свою творческую деятельность воспринимали не как создание автономных и значимых с точки зрения вечности объектов, а как способ совершить общественно значимый поступок здесь и сейчас. Принято считать, что лишь искусство XX века перешло от понимания искусства как «произведения» к пониманию его как «события» (см., например: [Фишер-Лихте 2015: 39]). Однако если сделать шаг в сторону от узкой группы канонизированных текстов, становится ясно, что даже в XIX веке было немало авторов, не считавших свои произведения объектами. В этом смысле мы развиваем наметившуюся в последнее время тенденцию обращаться к маргинальным с точки зрения романтической эстетики текстам и прочитывать их с помощью методов и данных социальной истории. Так, Ирина Паперно в своей уже классической книге о Чернышевском показала, как этот писатель конструирует свое «я» в дневниковых и публицистических текстах, реализует характерные черты этого «я» в повседневной жизни, а после описывает их в вымышленном повествовании [Паперно 1996; Paperno 1988]. Татьяна Печерская рассматривает самосознание радикальных разночинцев на материале не только «литературных» произведений, но и дневников, переписки и других жанров [Пе-

черская 1999]. Михаил Makeев анализирует значение радикальных демократов для идеологической полемики, в которую были вовлечены едва ли не все писатели 1860—1870-х годов [Makeев 1999]. Алексей Вдовин, опираясь на выводы Лори Манчестер (см. выше), показывает, как разночинские модели бытового и литературного поведения Николая Добролюбова преобразовались в миф об идеальном защитнике народа, принесшем свою жизнь в жертву убеждениям [Вдовин 2017].

В наших статьях рассматриваются четыре историко-литературных случая, которые, как нам представляется, иллюстрируют фундаментальную роль нигилистических произведений, быстро ставших не маргинальным курьезом, а неотъемлемой частью литературного процесса. **Юлия Красносельская** показывает это на примере романа Льва Толстого «Война и мир», предлагая оригинальное прочтение эпизодов, посвященных жизни Пьера в захваченной французами Москве и его встрече с Платоном Каратаевым. Как показано в ее статье, романист, работая над этими фрагментами, отталкивался не только от исторических источников, но и от обсуждения в прессе в высшей степени злободневного события — покушения Каракозова на Александра II. **Марта Лукашевич**, напротив, обращается к почти забытому роману Федора Ливанова «Жизнь сельского священника». Как она показывает, это произведение сочетает две тенденции: с одной стороны, перед нами набор типичных клише консервативной литературы; с другой стороны — попытка выразить идентичность «нового человека». Возможность создать такое гибридное повествование исследовательница связывает с процессами «внутренней колонизации» в Российской империи второй половины XIX века и с поисками адекватных средств для описания самосознания эмансипирующегося субъекта. **Кирилл Зубков** рассматривает малоизвестное автобиографическое произведение Ивана Гончарова «Необыкновенная история» в контексте споров об авторском праве, шедших в 1860-е годы. Российские и французские радикалы в этих спорах поставили вопрос о самой природе авторства и авторской собственности как опасных и вредных институтов, связанных с развитием капитализма. Их критика оказалась принципиально значима для литераторов, считавших, что институт литературы находится в остром кризисе. Наконец, **Юлия Сафронова** обращается к практике ведения читательских дневников, характерной для радикально настроенной молодежи 1870-х годов. Рассматривая неопубликованные дневники Аполлинарии Юшиной, она показывает, что в них, с одной стороны, использовались характерные для демократической критики способы чтения, предполагавшие поиск в любом литературном произведении «правильного» содержания, а с другой стороны, сама Юшина осознавала, что не до конца соответствует идеалу, предложенному критикой.

Четыре статьи связаны несколькими общими сюжетами. Во-первых, нигилизм в них показан не как своего рода заповедник, отделенный от литературного мейнстрима. Напротив, мы убеждены, что это явление было интегральной частью литературы, без которой невозможно понимать ни произведения «классиков» Толстого и Гончарова (в том числе те, где нигилисты не описываются), ни позицию полузабытого Федора Ливанова, ни повседневные читательские практики. Во-вторых, нигилизм оказывается далеко не исключительно российским явлением. По сути, перед нами лишь один из эпизодов в политическом смысле «левого» общеевропейского движения. Так, Зубков сопоставляет позиции Шелгунова и Жуковского с высказываниями Прудона,

а Сафронова показывает общераспространенность практики читательских дневников. В-третьих, значение нигилистических идей прежде всего связано с заявленной в них резкой критикой механизмов власти, причем и политической, и экономической, и культурной. В этом смысле интерес к нигилистам оказывается вовсе не только историческим — очень показательным, что для объяснения их позиции в статьях привлекаются такие мыслители, как Хоми Баба, Мишель Фуко, Стэнли Фиш и Джорджо Агамбен. В этой связи значимо смещение исторического фокуса с начала 1860-х на конец 1860-х и 1870-е годы, когда нигилизм стал восприниматься не как диковина, а как обладающее огромными последствиями для литературы и общества явление.

Значение нигилистической критики авторы видят в выражении не только индивидуальных точек зрения отдельных литераторов, но и кризисного положения института литературы в эпоху модернизации. В статье «Литературный быт» (1927) Борис Эйхенбаум писал:

...вопросы технологии явно уступили место другим, в центре которых стоит проблема самой литературной профессии, самого «дела литературы». Вопрос о том, «как писать», сменился или, по крайней мере, осложнился другим — «как быть писателем». Иначе говоря, проблема литературы как таковой заслонилась проблемой писателя [Эйхенбаум 1987: 430].

Проблеме того, «как быть писателем», как автор соотносится с написанным им текстом, в каких формах он может выражать свою позицию в текстах, во многом посвящены статьи Красносельской, Зубкова и Лукашевич. Сафронова, со своей стороны, обращает внимание на другую сторону вопроса: помимо проблемы «как быть автором», перед людьми 1870-х годов вставала и проблема «как быть читателем» — точнее, в этом случае читательницей. Поскольку речь идет об институциональной проблеме, трудно говорить о четком разделении между «нигилистической» и «антинигилистической» литературой: вне зависимости от убеждений конкретных писателей, кризис не мог их не затронуть. В этой связи не удивительно, что ни один «классический» нигилист не становится центральным героем наших статей. И без специальных исследований ясно, что, например, идеи Чернышевского или Писарева должны быть важны для их единомышленников Николая Помяловского или Василия Слепцова. Напротив, мы пытались показать, что ангажированная критика власти в самых разных ее проявлениях была принципиально значима не только для них, и не только для людей, пытавшихся опровергнуть нигилистов: эта критика была и остается неотъемлемой частью современного института литературы, который в Российской империи сложился не в последнюю очередь благодаря, казалось бы, наивным радикалам 1860—1870-х годов.

В этом смысле наш блок, как хотелось бы верить, может послужить созданию новых способов говорить о русскоязычной литературе середины XIX века. Вместо сочинений «великих» писателей и их фона нам бы хотелось увидеть противоречивое взаимодействие принципиально разных голосов — женских и мужских, читательских и писательских, умеренных и радикальных, столичных и провинциальных, спорящих и соглашающихся друг с другом. Как кажется, только такой подход позволит увидеть в литературе этого периода не отголосок школьной программы и не демонстрацию имперского величия, а важное и интересное для современности явление.

Библиография / References

- [Вдовин 2017] — Вдовин А. Добролюбов. Разночинец между духом и плотью. М.: Молодая гвардия, 2017.
- (Vdovin A. Dobrolyubov. Raznochinets mezhdu dukhom i plot'yu. Moscow, 2017.)
- [Зубков 2014] — Зубков К. Наука о литературе и литературная классика: Опыт критического обзора юбилейной гончаровской литературы // Slavica Revaliensia. 2014. № 1. С. 155—175.
- (Zubkov K. Nauka o literature i literaturnaya klassika: Opyt kriticheskogo obzora yubileynoy goncharovskoy literatury // Slavica Revaliensia. 2014. № 1. P. 155—175.)
- [Ленин 1973] — Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. Т. 2. М.: Изд-во полит. лит., 1973.
- (Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy: In 55 vols. 5th ed. Vol. 2. Moscow, 1973.)
- [Макеев 1999] — Макеев М.С. Спор о человеке в русской литературе 60—70 гг. XIX века (Литературный персонаж как познавательная модель человека). М.: Диалог—МГУ, 1999.
- (Makeyev M.S. Spor o cheloveke v russkoy literature 60—70 gg. XIX veka (Literaturnyy personazh kak poznavatel'naya model' cheloveka). Moscow, 1999.)
- [Манчестер 2015] — Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- (Manchester L. Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia. Moscow, 2015. — In Russ.)
- [Паперно 1996] — Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- (Paperno I. Chernyshevsky and the Age of Realism: A Study in the Semiotics of Behavior. Moscow, 1996. — In Russ.)
- [Печерская 1999] — Печерская Т.И. Разночинец шестидесятых годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. (Мемуары, дневники, письма, беллетристика). Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 1999.
- (Pecherskaya T.I. Raznochintsy shestidesyatykh godov XIX veka. Fenomen samosoznaniya v aspekte filologicheskoy germenevtiki. (Mемуary, dnevniki, pis'ma, belletristika). Novosibirsk, 1999.)
- [Фишер-Лихте 2015] — Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности. М.: Канон+, 2015.
- (Fischer-Lichte E. Ästhetik des Performativen. Moscow, 2015. — In Russ.)
- [Эйхенбаум 1987] — Эйхенбаум Б.М. О литературе: Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987.
- (Eykhensbaum B.M. O literature: Raboty raznykh let. Moscow, 1987.)
- [Confino 1990] — Confino M. Révolte juvenile et contre-culture: Les nihilists russes des «Années» // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1990. Vol. 31. № 4. P. 489—537.
- [Manchester 2008] — Manchester L. Holy Fathers, Secular Sons: Clergy, Intelligentsia, and the Modern Self in Revolutionary Russia. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2008.
- [Paperno 1988] — Paperno I. Chernyshevsky and the Age of Realism: A Study in the Semiotics of Behavior. Stanford: Stanford University Press, 1988.
- [Verhoeven 2009] — Verhoeven C. The Odd Man Karakozov: Imperial Russia, Modernity, and the Birth of Terrorism. Cornell: Cornell University Press, 2009.